

Запретная женщина

Автор:

[Шэрон Кендрик](#)

Запретная женщина

Шэрон Кендрик

Любовный роман – Harlequin #333

Восемнадцатилетняя сирота Эшли Джонс приехала в уединенный особняк Блэквуд, чтобы стать секретаршей писателя Джека Марчанта. Невинная и неопытная, она отдала ему сердце, а он сделал ее своей любовницей. Слишком поздно Эшли узнала тайну, которая уничтожила ее мечты о чем-то большем...

Шэрон Кендрик

Запретная женщина

Глава 1

Прогулка на холодном ветру не входила в планы Эшли, но ей нужно было успокоить расшалившиеся нервы. Она провела утро в душном поезде, разглядывая из окна незнакомый ландшафт и настраиваясь на встречу с работодателем. Уговаривала себя, что бояться нечего, но так и не уговорила. Слишком уж грозный портрет нарисовала ей сотрудница агентства по трудоустройству!

К несчастью, вся психологическая подготовка пропала зря. Когда Эшли доехала до особняка богатого и знаменитого Джека Марчанта, хозяина не было дома. На

вопрос, как скоро он вернется, домоправительница Кристин лишь устало закатила глаза.

– С мистером Марчантом никогда нельзя сказать наверняка, – заявила она. – Он живет по своим правилам.

Чтобы не томиться ожиданием, Эшли отправилась гулять. Пока она бесцельно бродила по мрачным аллеям, чувствуя, как постепенно немеют руки в шерстяных перчатках, ей пришло в голову, что Джек Марчант обладает даром производить впечатление на женщин зрелого возраста. Сотрудница агентства употребила по отношению к нему слово «внушительный», которое, насколько знала Эшли, часто маскировало целый букет недостатков. Джек Марчант мог оказаться раздражительным и авторитарным, грубым и высокомерным. То, что он не удосужился встретиться лично с новой секретаршей, только подтверждало ее опасения. Впрочем, его человеческие качества не имели значения. Эшли нуждалась в заработке. За гонорар, прописанный в ее краткосрочном контракте, она готова была смириться и со своенравным боссом, и с тоскливым северным пейзажем, и с холодом.

Перемена мест все еще давалась Эшли тяжело – несмотря на обширный опыт, который она получила в детстве, скитаясь от одних опекунов к другим.

Панический ужас охватывал ее каждый раз, когда предстояло знакомиться с новыми людьми и приспосабливаться к новым ситуациям. Выяснить, что эти люди любят и, еще важнее, чего они не любят. Слушать, что они говорят, и стараться прочесть по глазам, что подразумевают. Едва ли не с колыбели жизнь учила Эшли видеть истинные намерения за словами, истинные чувства – за манерами. От пронизательности зависело ее выживание.

Она остановилась и огляделась. Зимние деревья возвышались, как часовые, над жесткой порослью голых кустов. Слева, куда хватало глаз, простиралась болотистая равнина – пустынная, суровая, аскетичная. Но, поднявшись по проселочной дороге выше на холм, Эшли рассмотрела шпиль церкви и несколько сбившихся в кучку крыш. Близость деревни обнадеживала: там жили люди, наверняка имелись магазины и бог знает что еще.

Повернувшись в другую сторону, она могла видеть привольно раскинувшееся внизу имение работодателя – Блэквуд-Мэнор. Когда Эшли была внутри особняка, ей не удалось оценить его размеры, но на расстоянии он выглядел настоящим дворцом. Со склона холма Эшли затаив дыхание разглядывала элегантное серое

здание среди темного парка, ловила блики холодного солнца на глади озера. Она пыталась представить, каково это – владеть таким количеством земли? Не богатство ли добавляло Джеку «внушительности» в глазах простых смертных? Эшли много раз слышала, что большие деньги развращают, похоже, ей представилась возможность это проверить.

Она так замечталась о том, как распорядилась бы огромным состоянием, попади оно к ней в руки, что не сразу обратила внимание на незнакомый звук. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы распознать стремительно приближающийся стук лошадиных копыт. Захваченная врасплох, Эшли растерялась – и запаниковала, когда увидела, какое чудище несется прямо на нее по дороге. Играя могучими мышцами под темным шелком глянцевої шкуры, огромный конь словно бы прискакал напрямик из ее детских кошмаров. Ветер развеивал волосы всадника, который – кретин! – не удосужился прикрыть голову защитным шлемом. Взгляд Эшли зафиксировал крупное, сильное тело в выцветшей джинсовой одежде и лицо, которое показалось ей суровым и недружелюбным. С этого лица на нее смотрели черные глаза, бездонные, как полночь.

Охваченная страхом и любопытством, Эшли застыла посреди дороги и лишь в последний момент с визгом отпрыгнула из-под копыт. Из кустов выскочила большая черно-белая собака, которая, видимо, почуяла незнакомое человека и решила предупредить об этом всю округу истерическим лаем. Испугавшись шума и движения, лошадь вскинулась, споткнулась и тяжело упала на дорогу, увлекая за собой всадника.

Собака подбежала к девушке, словно требуя помощи, и Эшли бочком выбралась обратно на дорогу. Огромный конь сумел подняться, но распроstered тело мужчины оставалось ужасающе неподвижным. С пересохшим от страха горлом Эшли подкралась поближе и склонилась над ним. Неужели он... умер?

Пальцы дрожали, когда она осмелилась легонько потрясти его за плечо.

– Эй! Вы... вы в порядке?

Мужчина застонал. Эшли поморщилась, представив, как ему, наверное, больно.

– Вы меня слышите? – Она заговорила громче, вспомнив, что пособия по оказанию первой помощи советовали держать пострадавших в сознании. – Я спрашиваю, вы меня слышите?!!

– Разумеется, я вас слышу. Вы орете мне прямо в ухо.

У него оказался глубокий, сильный голос, в данный момент изрядно сдобренный раздражением. Волна облегчения накрыла Эшли. Если человек ворчит, значит, скорее всего, его жизнь вне опасности.

– Вам больно? – спросила она.

Недовольно скривившись, мужчина посмотрел в девичье лицо с круглыми от беспокойства глазами и дрожащими губами. Что за дурацкий вопрос! Какого черта она изображает сестру милосердия после того, как сама же чуть не угробила его своим идиотским поведением?

– А вы как думаете? – язвительно поинтересовался он, осторожно двигая ногой.

– Я... могу что-то для вас сделать?

– Для начала вы можете дать мне больше места. Не стойте над душой.

Он явно привык отдавать приказы, и девушка не посмела возражать. Отойдя на пару шагов, она наблюдала, как ее новый знакомый пытается подняться на ноги. Когда ему удалось встать на колени, собака словно с ума сошла. Прыгала на хозяина, заливаясь лаем, так что ему пришлось осадить пса резкой командой:

– Тихо, Кейси!

Однако, несмотря на обнадеживающее начало, ноги пока отказывались держать незнакомца. Привстав, он тяжело сел обратно на дорогу.

– Я думаю, вам не нужно шевелиться, – сказала Эшли.

– Откуда вам знать, что мне нужно, а что нет?

– Читала в медицинском справочнике. Вдруг вы что-то сломали? Вы должны оставаться на месте, а я могу сходить за помощью или позвонить в скорую. У меня с собой телефон.

– Ничего я не сломал. – Он упрямо помотал черноволосой головой. – Обычное растяжение.

С этими словами мужчина предпринял еще одну попытку подняться и застонал сквозь зубы.

Эшли использовала паузу, пока он восстанавливал дыхание, чтобы рассмотреть его повнимательнее. Ее новый знакомый принадлежал к типу людей, которые притягивают взгляды...

Даже неловкая поза не могла скрыть высокий рост, разворот широких плеч, мощь длинных ног. Глаза казались еще чернее, чем растрепанная ветром грива волос цвета воронова крыла. Драка или несчастный случай оставили шрам рядом с уголком рта. «У него чувственные губы», – невольно подумала Эшли. Хотя они сохранили природную припухлость, в очертаниях чувствовалась жесткость. Может, причиной стала боль, которую незнакомец испытывал сейчас, а может, так на его лице отпечатался нелегкий жизненный опыт.

Пусть грубоватые черты лица всадника не отвечали стандартным представлениям о красоте, это не мешало им быть привлекательными. Исходящее от него ощущение диковатой мужественности могло, пожалуй, даже напугать такую юную и неопытную девушку, как Эшли, но, к своему удивлению, она не чувствовала страха. Она решила, что причиной тому его травма и нынешняя относительная беспомощность.

– Я не могу оставить вас одного в таком положении, – упрямо проговорила Эшли.

– Еще как можете. Уже темнеет, а ночью здесь лучше не гулять в одиночку. Вы уже попали под лошадь, не хотелось бы, чтобы вас сбил еще и какой-нибудь лихач на машине. – В неприветливых глазах сверкнула любопытная искорка. – Но возможно, вы хорошо ориентируетесь в этих местах?

– Нет, – призналась Эшли. – Совсем не ориентируюсь.

– Да, наверное, – сухо ответил он, потирая шею. – Если бы вы выросли где-то неподалеку, вы бы знали, что стоять истуканом посреди дороги на пути скачущей лошади вредно для здоровья. Где вы живете?

– Здесь. С сегодняшнего дня.

– Да ну?

Эшли казалось, что обсуждать ее место жительства, сидя на холодной земле посреди проезжей дороги, нелепо и несвоевременно, но что-то в его черных глазах заставляло ее отвечать на вопросы. Настойчивый взгляд мужчины гипнотизировал, лишал воли, кружил голову.

– Я живу в Блэквуд-Мэнор.

Темные брови незнакомца съехались на переносице, губы тронула кривоватая усмешка.

– Ах, там... В сером доме с видом на болота?

Эшли кивнула, думая, как странно называть роскошный особняк своим домом, пускай даже временным.

– Он не принадлежит мне, конечно, – уточнила она. – Я работаю на его хозяина.

– Неужели? И каков он, ваш работодатель?

– Честно говоря, еще не знаю. Его не было дома, когда я приехала. В объявлении говорилось, что ему нужна персональная ассистентка, хотя мне кажется, больше подошло бы слово «секретарша». Он...

Эшли хотела было рассказать, что живущий в особняке известный писатель нанял ее перепечатать его роман, но прикусила язык, чувствуя себя ужасно глупо. С какой радости она вдруг собралась посвятить незнакомому человеку в свои дела? То ли дело было в его непонятном вопросительно-ищущем взгляде, то ли в том, что болтовня помогала Эшли игнорировать странное волнение от его близости.

Раз так, ей следовало поскорее создать между собой и незнакомцем более серьезную дистанцию. Умение хранить тайну чужой личной жизни – обязательное требование к персональным ассистенткам, мистер Марчант может рассердиться, узнав, что она готова болтать о нем с каждым встречным-поперечным.

– Он, возможно, уже вернулся, не хотелось бы заставлять его ждать, – торопливо закончила фразу Эшли. – Если вы уверены, что я ничем не могу помочь, я, пожалуй, пойду.

– Подождите. Вы поможете мне, если подержите лошадь.

Эшли с сомнением посмотрела на могучего жеребца, который стоял чуть поодаль на обочине, ковыряя копытом землю и выпуская из ноздрей струйки пара. Она впервые в жизни видела лошадь так близко и не горела желанием вступить в непосредственный контакт.

– Боитесь? – мягко спросил мужчина, задержавший взгляд на ее лице.

У Эшли мелькнула мысль, что она скорее позволит коню растоптать себя, чем рискнет вызвать неудовольствие всадника. К счастью, инстинкт самосохранения вовремя подсказал ей, что в данном случае лучше честно признать свою некомпетентность.

– Я совсем не умею обращаться с лошадьми, – призналась она.

– В таком случае подержите меня.

Пока незнакомец медленно вставал, опираясь на ее плечо, Эшли пыталась понять, почему ощущение его пальцев кажется таким... интимным. Может, потому, что у нее не было привычки к мужским прикосновениям? Тепло чужой руки словно бы прожгло одежду и согрело ее слегка заочевенное тело, превратив каждый нерв в пылающий факел. Особенно быстро и ярко этот незнакомый огонь разгорался внизу живота...

В сгущающихся сумерках их взгляды встретились, и Эшли почувствовала, что вот-вот растает. Удивительно, но ей казалось совершенно естественным

находиться в его объятиях.

Мужчина отстранился и медленно пошел к коню, вполголоса успокаивая животное ласковыми словами. Эшли зачарованно следила за тем, как легко он вскочил в седло и, непринужденно наклонившись, одобрительно похлопал жеребца по гладкой холке. На секунду ей даже подумалось, что падение и несколько минут, которые незнакомец провел без сознания, были плодом ее воображения. Сейчас он напоминал крутого ковбоя из классических вестернов, часто помогавших ей скоротать вечер у телевизора.

В порыве необъяснимого безумия Эшли едва не попросила его остаться и позволить ей еще раз испытать то странное опьяняющее возбуждение, благодаря которому она вдруг почувствовала себя по-настоящему живой. Ей требовалось больше времени, чтобы разобраться в новых ощущениях. Но она справилась с моментальным помрачением рассудка.

– Спасибо за помощь, – коротко сказал незнакомец. – И бегите домой быстро, пока ваши прекрасные глаза не сбили с дороги еще какого-нибудь бедолагу. Кейси, рядом!

Засим, бросив на Эшли еще один насмешливый взгляд, он ускакал, сопровождаемый по пятам своей собакой.

Девушка стояла неподвижно, пока силуэт коня с седоком не поглотили длинные вечерние тени, а стук копыт не затих вдали, потом неуверенно приложила пальцы к глазам. Еще никто и никогда не говорил ей, что они прекрасные. И уж точно никто не смотрел на нее так, как этот потрепанный жизнью грубоватый тип. Интересно, запоздало удивилась Эшли, а кто это был?

Отказавшись от продолжения прогулки, она вернулась в особняк. Едва Кристин впустила ее в прихожую, большая черно-белая собака выскочила из гостиной, чтобы поздороваться... еще раз.

– Кейси! – изумилась Эшли.

Она не успела подумать, как объяснит знакомство с псом, который с энтузиазмом лизал ее руку. Но Кристин казалась слишком озабоченной, чтобы замечать такие детали.

- Чья это собака? – спросила девушка, с трудом справляясь с волнением.

- Мистера Марчанта.

- Значит, он вернулся?

- Вернулся, – мрачно кивнула Кристин, – но ненадолго. С ним произошел несчастный случай.

- Как? – Узел, в который внутренности Эшли сплелись при виде Кейси, стал туже.

- Его сбросила лошадь. Он поехал в больницу на рентген.

Собака. Несчастный случай. Внезапное осознание того, что подразумевалось под словом «внушительный». Части головоломки одна за одной сложились в цельную картину, и Эшли наконец поняла, с кем столкнулась посреди темной аллеи. Незнакомцем на лошади был ее новый босс – Джек Марчант.

Глава 2

Голые ветви деревьев бились в стекло, но Эшли, застывшая у окна своей комнаты с видом на сад, ничего не слышала. Она могла думать только о черноглазом мужчине, который сначала свалился с лошади ей под ноги, а потом оказался тем самым человеком, от которого зависело ее благополучие.

Мысли становились все более тревожными. Эшли беспокоилась, сильно ли он пострадал, представляла, как он умирает в белой палате местного отделения скорой помощи от не замеченного вовремя внутреннего кровотечения. Она боялась, что больше никогда не увидит его, не поговорит с ним...

Эшли пробовала выпытать новости у Кристин, но та сказала, что ничего не знает. До возвращения хозяина особняка дел для Эшли не нашлось, ей оставалось только пойти в свою комнату и попробовать отвлечься, разглядывая новое жилье. Она привыкла к комнаткам размером с обувную коробку, но

здесь ей выделили настоящие апартаменты люкс. Эшли оценила кашемировое покрывало на огромной кровати и запас одеял на случай внезапного похолодания. Заваленная подушками софа позволяла с комфортом наслаждаться видом из окна, а в качестве альтернативы имелся небольшой телевизор, угнездившийся на элегантном комодe.

– Мистер Марчант не жалуется телевидение, – поведала ей Кристин. – Но я намекнула, что нормальному человеку в этой глуши нужно обеспечить хоть какое-то занятие на вечер.

Эшли улыбнулась. И правда, Джека Марчанта было сложно представить следящим за перипетиями мыльной оперы или реалити-шоу. Вообще-то она и сама не увлекалась телевидением, поэтому выбрала книгу в мягкой обложке из стопки, которую привезла с собой, и уселась читать в ожидании вестей из больницы. Но впервые напечатанным на бумаге словам оказалось не под силу увлечь Эшли в воображаемый мир, который она предпочитала реальному. Память раз за разом прокручивала перед ее внутренним взором эпизод в темной аллее, уделяя особое внимание сильному мужскому телу, распростертому посреди дороги.

Значит, вот он каков, Джек Марчант. Эшли ожидала, что ее работодатель будет старше – и академичнее, что ли. В ее представлении автору нескольких военных биографий, решившему попробовать себя в художественной литературе, полагались большие роговые очки и седая бородка клинышком. Но Джек оказался полной противоположностью картине, которую она нарисовала. Честно говоря, встречать мужчин, подобных ему, Эшли еще не доводилось. Все ее знакомые были сплошь пустое хвастовство и глупая бравада. А человек, который опирался сегодня на ее плечо, излучал властную мужественность такой силы, что Эшли засомневалась, сможет ли выдерживать этот напор в ежедневном режиме.

«А тебе и не придется выдерживать ничего сверх работы, которой он тебя загрузит, – заметил голос здравого смысла. – Он – твой начальник, помнишь? Ты будешь жить в его доме тихо, как мышка, печатать его роман и в конце каждого месяца получать от него щедрый гонорар. Ты ведь ради этого сюда приехала, не так ли?»

Стук в дверь прервал размышления Эшли. По ту сторону она обнаружила Кристин в пальто и с выдавшей виды сумкой в руках.

– Я уйду домой. А мистер Марчант вернулся из больницы. Он внизу, в библиотеке, и хочет вас видеть.

– С ним все в порядке? – быстро спросила Эшли.

– В полном. Чтобы сломать кого-то вроде него, нужно гораздо больше, чем кувырок с лошади.

Мысль, что она вот-вот увидит Джека снова, вызвала у Эшли вместо облегчения приступ нервозности. Руки сами собой скользнули по свитеру к поясу джинсов.

– Я думаю, мне лучше переодеться.

– Может, и так, – согласилась Кристин. – Только не заставляйте его долго ждать, он этого не любит. Увидимся снова через пару дней.

Распрощавшись с домоправительницей, девушка надела простую юбку с блузкой, заплела французскую косичку и спустилась в библиотеку. Дверь была закрыта. Грозный рык «Войдите!» в ответ на ее нерешительный стук едва не заставил Эшли обратиться в паническое бегство. Но она все-таки толкнула тяжелые створки и вошла.

Мужчину, стоявшего у камина спиной к ней, нельзя было не узнать, но на сей раз он показался Эшли гораздо более суровым, чем в первую встречу. Может, причина заключалась в огромной, заполнившей всю комнату тени, которую его фигура отбрасывала в свете пламени. А может, в том, что физическая мощь Джека Марчанта производила ошеломительное впечатление и без таинственной подсветки. Подавленная этой мощью, Эшли ощутила себя совсем маленькой и незначительной. Ей стоило больших усилий заговорить:

– Мистер... Марчант?

Он обернулся, и отблески огня озарили неподвижное лицо, словно бы высеченное из темного мрамора. У него был вид человека, который давно отвык от вторжений внешнего мира в свою добровольную изоляцию. Эшли заметила, как в обращенных на нее глазах мелькнуло что-то неприятное, но не успела понять, что это – боль или злость. Взгляд Джека снова стал изучающим,

оценивающим.

- Вот мы и встретились снова.

- Да.

- Моя леди-спасительница.

Странная улыбка, которую Эшли уже видела раньше, изогнула чувственные губы.

- Я не сделала ничего существенного для вашего спасения. - Она неловко пожала плечами.

- Это правда. - Джек продолжал изучать ее, вспоминая широко распахнутые глаза и нежное прикосновение маленькой руки к его плечу. - Видимо, чувство вины помешало вам проявить свои лучшие качества, - поддразнил он.

- Вины? - обиженным эхом откликнулась Эшли, задетая куда сильнее, чем предполагал Джек.

Вся ее жизнь была замарана ложными обвинениями со стороны людей, от которых она зависела, - опекунов и персонала сиротских домов. Раз за разом Эшли убеждалась, что обездоленность делает человека легкой мишенью. И сейчас, глядя в темные глаза Джека Марчанта, она забеспокоилась, нет ли у него привычки самоутверждаться за счет слабых и безответных.

- Я не знала, что в чем-то провинилась.

- Разве вам никогда не говорили, что пугать лошадей не рекомендуется? Они как женщины, столь же непредсказуемы и норовисты. Ну ладно, не стойте там у дверей, подойдите ближе, я обещаю вас не кусать. Просто хочу узнать побольше о женщине, с которой мне придется прожить под одной крышей несколько месяцев. Вполне объяснимое желание с моей стороны, согласны? Садитесь - нет, не туда. Рядом с лампой, чтобы я мог рассмотреть вас как следует.

Повинуясь командирскому тону, Эшли на ватных ногах проследовала к указанному месту и примостилась на краешке кресла. Джек занял такое же по другую сторону от камина, в тени, из которой мог видеть собеседницу значительно лучше, чем она – его.

За время, прошедшее с их первой встречи, Джек сменил костюм из вытертой джинсовой ткани на темные брюки и шелковую рубашку, которая выглядела очень дорого. В таком виде он вполне мог бы позировать для портрета стопроцентного современного аристократа. Расслабленность позы контрастировала с внимательным выражением сузившихся глаз.

– Вы намного моложе, чем я предполагал.

Ее юность, ясно читавшаяся по гладкой коже щек, внушала Джеку беспокойство, даже легкое раздражение. Какого дьявола агентство прислало ему это трогательное существо в расцвете девической прелести, которую женщины старшего возраста тщетно пытаются вернуть или хотя бы убедительно подделать всю оставшуюся жизнь?

– В объявлении не был прописан желаемый возраст, мистер Марчант.

– Зовите меня Джек. С тех пор как я покинул армию, меня тошнит от формальностей.

Имя Джек шло ему. Сразу наводило на мысль о сильном и своенравном мужчине, который не станет долго терпеть чужую глупость. Джек. Эшли молча смаковала имя, пока глубокий голос его обладателя не пробудил ее от транса.

– А вы – Эшли? – нетерпеливо спросил Джек, надеясь, что она не будет встречать мечтательным выражением лица каждое его слово.

– Эшли Джонс.

– И сколько же вам лет, Эшли Джонс?

– Восемнадцать.

– Восемнадцать?!!

Она оказалась младше самых смелых предположений Джека! Он всмотрелся еще внимательнее, отметив, что очарование юности способно взволновать даже того, кто совсем не собирался волноваться. Джек поймал себя на эротических фантазиях – совершенно ему ненужных, нежеланных и несвоевременных. Но тело напряглось, стоило мыслям даже слегка коснуться запретной темы секса.

– Я полагал, мне подберут кого-то поопытнее.

Его недовольный тон заставил все инстинкты Эшли, ответственные за выживание, занять круговую оборону. Она ни в коем случае не хотела лишиться работы, еще не успев приступить к ней и показать себя в деле. Она вздернула подбородок:

– У меня достаточно опыта для того, ради чего вы меня наняли, мистер Марчант.

– Джек.

– Джек, – поправилась Эшли.

– Возможно, я не так выразился. – Он пошел на уступку. – Я ожидал даму средних лет, которая будет не против поселиться, пусть даже временно, в этом пустом и темном уголке страны. – Джек нахмурился. Он надеялся, что девочка не настроила себе иллюзий насчет условий жизни и работы в его особняке. – Здесь нет ни одного ночного клуба. У нас тихо, как в могиле. Никаких ярких неоновых огней и больших пабов.

– Я не увлекаюсь яркими огнями и ночными клубами.

«Нет, конечно нет», – подумал Джек. Он не мог представить эту по-монашески скромно одетую и причесанную девушку беснующейся на танцполе в маленьком платье из блесток.

– Даже если так, молодой девушке в наших краях ничего не стоит зачахнуть от тоски.

Эшли покачала головой, гадая, действительно ли в его словах таилось какое-то мрачное предупреждение или оно ей просто послышалось.

– Я постараюсь не чахнуть. К тому же в определенных обстоятельствах восемнадцать лет – это не так мало, как принято считать.

– Это очень мало, уж поверьте мне, – возразил Джек с горьким смешком.

Он попытался вспомнить, было ли его лицо когда-нибудь таким же свежим и гладким, а глаза – такими же чистыми и блестящими, как у нее. Если да, то очень давно. До армии, до того как... Губы его сжались. До того как в лотерее, называемой жизнью, ему выпал билет в один конец до преисподней.

– Для того, кто старше тридцати пяти, вы еще младенец.

«Интересно, а сколько ему лет? – попыталась вычислить Эшли. – Тридцать пять? Сорок?» Но тут до нее наконец дошло, какие катастрофические последствия будет иметь для нее отказ Джека Марчанта от ее услуг. Она останется без работы, без крыши над головой и без денег, в которых нуждалась сильнее, чем когда-либо. Джеку было не важно, кто займет место его секретарши, а для Эшли эта вакансия могла стать ответом на вопрос жизни и смерти. Инстинкт подсказывал ей, что нужно отстаивать свою кандидатуру, но постараться не показать Джеку, что ею движет отчаяние.

– Не вижу ничего странного в работающих девушках моего возраста. Человек, достаточно взрослый для голосования на выборах правительства своей страны, наверняка уже дорос и до того, чтобы самому зарабатывать себе на жизнь.

Джек подумал, что улыбка, сопроводившая эти слова, совершенно изменила лицо Эшли и еще – что она, вероятнее всего, улыбается нечасто.

– И как давно вы начали работать?

– С шестнадцати.

– Кем?

- В основном - секретаршей, хотя я быстро учусь и могу выполнять более сложные обязанности. Перед тем как приехать сюда, я работала в частной школе-интернате, а до этого в отеле.

- Вы всегда выбираете вакансии с проживанием?

- Да. Я надеюсь, что однажды накоплю на собственное жилье, - сказала Эшли.

Она старалась не думать о том, что сначала ей придется расплатиться с долгами, которые висели над ее головой, как мешок кирпичей.

- Стало быть, учеба в университете вас не прельщает?

Эшли вздохнула, в который раз удивляясь склонности людей спешить с выводами. Она бы очень хотела поступить в университет, но желания и возможности - это не одно и то же. Детство, проведенное в переездах с места на место и на уроках в самых плохих школах страны, не позволило ей достичь уровня знаний, необходимого для получения стипендии в колледже. А платить за учебу из своего кармана Эшли была не в состоянии.

- С университетом не вышло, - сказала она тихо.

Джек чувствовал, что тема девушке неприятна, но что-то заставило его задать еще один вопрос:

- Родители оказались недостаточно настойчивы?

- У меня нет родителей.

- Я так и думал, - мягко подытожил Джек.

Эшли посмотрела на него в недоумении. Либо Джек умел читать мысли, либо что-то в ее поведении сразу наводило на догадку о сиротстве.

- Почему? - Ее губы задрожали.

– Потому что вы показались мне удивительно самодостаточной. – Джек на секунду задумался о том, какой невинной выглядит Эшли. – Как человек, который давно полагается только на себя.

– Вы очень проницательны, – пробормотала девушка едва слышно.

– Писателям положено быть проницательными. – В голосе мужчины послышалась ирония. – Мы можем обойтись без таланта к общению с людьми, но без умения наблюдать за ними нам никак нельзя. В связи с этим я еще рискну предположить, что вы – дитя города.

– Потому что брожу в темноте по аллеям и пугаю лошадей?

– Безусловно. И по бледности кожи, которой никогда не касались лучи солнца.

Даже льстец не назвал бы Эшли красавицей, но в ней было что-то, делавшее ее незабываемой. Может, глаза, игравшие всеми оттенками зеленого. А может, окружавшая ее аура тишины, доброжелательного внимания и внутренней наполненности. Джек считал, что в наше время таких женщин уже почти не осталось.

– Вы очень бледная, – повторил он медленно, чувствуя необъяснимый комок в горле.

Взгляд черных глаз действовал на Эшли гипнотически. Уютные отблески огня в камине словно бы обозначили границы их собственного маленького мира, где не действовали никакие известные ей законы. Мира, в котором новый босс мог изучать ее хоть под микроскопом, и это казалось ей совершенно нормальным.

– В больнице вам действительно сказали, что все в порядке? – спросила она, чтобы разрядить странную атмосферу.

– А что, вам кажется, я повредил голову? – Он поднял брови. – Мои слова похожи на бред?

– Поскольку я вижу вас второй раз в жизни, я еще не готова судить об этом.

Джек засмеялся и откинулся на подушки кресла. «Значит, деликатное эльфоподобное создание способно на сарказм в той же степени, что и на обезоруживающую честность, – подумал он. – Нет, она вовсе не такая серая мышка, какой хочет казаться».

– Вы сообщите мне, когда придете к заключению относительно моей вменяемости?

Эшли едва удержалась от улыбки:

– Я не думаю, что психиатрическая экспертиза входит в мои должностные обязанности.

– Вероятно, вы правы. – Джек подбросил в огонь еще одно полено. – В агентстве вам объяснили, что в них входит?

В его позе Эшли почудилось подспудное напряжение – Джек вдруг представился ей солдатом, даже во время короткого привала не выпускающим из рук автомат. Неожиданная метафора расстроила ее. Она подумала, что после армии Джеку не привыкать к оружию и насилию...

Но главным его оружием был темный животный магнетизм, сексуальная харизма, которую мечтает видеть в своем мужчине любая женщина. Внезапно Эшли поняла, почему немолодая сотрудница агентства Джулия рассказывала о Джеке с придыханием и румянцем на щеках. Скорее всего, этот эффект распространялся не только на зрелых дам, потому что Эшли чувствовала, что сама вот-вот начнет краснеть.

– Мне сказали, вы написали несколько биографий замечательных людей. В основном военных.

– Боже, как скучно это звучит.

– И что я должна перепечатать набело вашу следующую книгу...

– С рукописи. Я надеюсь, вас об этом предупредили. Я пытался печатать сам, но стук клавиш мешает мне думать. Поэтому я пишу по старинке, от руки. Думаю,

среди писателей это все еще не редкость.

Эшли кивнула, стараясь представить себе его почерк. Такой же неудобочитаемый, как выражение устремленных на нее черных глаз?

- Вам сказали, что моя новая книга - роман?

- Да.

- Вы печатали романы раньше?

- Когда я работала в школе, одна из преподавательниц написала женский роман. - Поскольку Джек явно слышал о существовании подобной литературы впервые, Эшли пришлось пояснить: - Такое забавное психологическое чтение для работающих женщин. Про развод.

- Развод теперь считается поводом для веселья? - Джек холодно прищурился.

- Я только перепечатаваю рукописи, - сухо напомнила ему Эшли. - Я их не рецензирую.

- Ну, должен сказать, что моя книга бесконечно далека от забавного женского чтения про разводы.

- Охотно верю, - тихо сказала Эшли. - О чем она?

В наступившей тишине она увидела, как кисти рук Джека непроизвольно сжались в кулаки. Пламя бросало кровавые отсветы на побелевшие костяшки.

- О моей службе в армии.

- Я понимаю.

- Да неужели? - Джек сопроводил ироничный вопрос очередным взлетом бровей. - И много ли вы знаете об армейской жизни?

– Только то, что можно узнать из газет и телерепортажей.

– А вас не шокирует описание крови и ужаса? – В его бездонных глазах ясно читался вызов. – Вас легко напугать, Эшли?

Вопрос заставил сердце девушки забиться чаще. Она едва не выпалила, что ужас знаком ей не понаслышке, не из книг или фильмов.

Когда Эшли было десять, садистка-опекунша миссис Фрэйзер на целую ночь заперла ее в чулане в наказание за проступок, которого девочка не совершала. Эта ночь осталась в памяти уродливым нестираемым пятном – видимо, навсегда. Пыль и паутину, противно щекотавшую кожу, еще можно было вытерпеть. Даже постоянное ожидание, что с потолка ей на голову вот-вот начнут прыгать огромные мохнатые пауки, оказалось не самым страшным. Больше всего Эшли испугала душная темнота, которую ее воспаленное воображение населило демонами и призраками. Девочке мерещилось, что ее похоронили заживо на забытом кладбище, отдали на растерзание беспокойным мертвецам, с тихим шелестом тянущим к ней во тьме липкие ледяные руки.

К тому времени, когда дверь открылась и в чулан хлынул свет, Эшли почти потеряла рассудок. Кровь сочилась из искусанных губ, одежда насквозь промокла от пота. Успокаивать ее уговорами и домашними средствами было уже поздно, требовалась квалифицированная медицинская помощь. Доктор пришел в ужас от состояния ребенка, которое опекунша объяснила внезапным истерическим припадком. Эшли пыталась рассказать о варварском наказании, но он не поверил, что в наше время такое возможно. Как будто цивилизация и технический прогресс сделали людей менее жестокими!

Несмотря на то что Эшли быстро подыскали новый дом, миссис Фрэйзер хватило изобретательности и красноречия, чтобы настроить против нее и следующую пару опекунов. Она выставила Эшли неблагодарной обманщицей, которая не приносит своим благодетелям ничего, кроме хлопот и огорчений. Переломить передававшееся по цепочке предубеждение девочка не смогла. Так уж устроены люди – однажды поверив в чью-то непорядочность, они будут искать и находить ее доказательства в каждом слове или поступке.

Со временем Эшли научилась держать в узде вспыльчивый нрав и острый язычок, перестала поддаваться на провокации и постаралась спрятать поглубже

воспоминания о той ужасной ночи. Она стала спокойной тихой девушкой – на первый взгляд без каких-либо ярких запоминающихся черт характера, слабостей или страхов, которые кто-либо мог использовать, чтобы вывести ее из равновесия.

Справившись с первым импульсом, она решила не посвящать Джека Марчанта в подробности своей душевной травмы. Некоторым секретам лучше оставаться под замком...

– Я не из пугливых, – сказала Эшли.

– Да? А мне показалось, что-то на миг затуманило ваши глаза. Что-то похожее на страх.

Эшли снова восхитилась его пронизательностью. Но, если Джек такой умный и наблюдательный, неужели он не чувствует, что углубляться в тему не стоит? Из них двоих он, конечно, главный, но это не дает ему права ворошить ее прошлое. Ее потаенные страхи не имеют никакого отношения к предстоящей работе, а то, что не касается работы, она с Джеком обсуждать не обязана.

– У всех нас есть в душе темные уголки, о которых мы бы с удовольствием забыли. – Эшли посмотрела ему прямо в глаза. – Разве не так?

Теперь и ей удалось задеть Джека. На виске обозначилась жилка, болезненное выражение сделало черты лица еще более резкими. Эшли было странно видеть такого сильного мужчину в миг явной слабости, граничащей с отчаянием, но этот миг пролетел так быстро, что она списала его на игры воображения.

Джек снова подарил ей улыбку, в которой не было ровно ничего веселого.

– Что ж, оставим воспоминания в покое. – Он поднялся, давая понять, что собеседование закончено. – Пойдемте ужинать.

Даже когда Эшли стояла в полный рост, Джек все равно возвышался над ней, окутывал большой тенью. Щеки ее заледенели, по коже побежали мурашки. Ощущение было непривычным. Ни один мужчина еще не вносил такой хаос в ее мысли и чувства...

Глава 3

Первая ночь Эшли в Блэквуде получилась беспокойной. Стук веток в стекло мешал заснуть – но не так сильно, как Джек, который упорно продолжал стоять перед глазами. Она вспоминала волосы цвета воронова крыла, подсвеченные пламенем. Сильное атлетичное тело. Умный оценивающий взгляд, который пронизывал ее, как порыв зимнего ветра.

Сразу после ужина Джек извинился и ушел работать, плотно закрыв за собой дверь кабинета. Оставшись в одиночестве, Эшли сразу почувствовала себя чужой и неуместной в огромных комнатах первого этажа и сбежала наверх, в свою комнату. Приняла ванну, помыла голову и улеглась в постель – мучиться бессонницей в размышлениях о том, будет ли ей хорошо в этом странном, непривычном месте, и безуспешно стараться изгнать из мыслей внушительного Джека Марчанта.

Джека в джинсах сразу после падения с лошади – лицо искажено болью, волосы растрепаны ветром. Джека в брюках и шелковой рубашке, такого импозантного и аристократичного, в кресле у горящего камина. Джека в постели этажом ниже – обнаженного на тонких белых простынях. Мирно ли ему спалось, или он маялся без сна так же, как Эшли? Раскрасневшись от несвойственных ей эротических фантазий, девушка зарылась пылающим лицом в прохладную подушку.

Наконец она задремала, но уже через несколько минут встрепенулась, разбуженная хлопком двери. Эшли услышала ритмичные звуки, которые озадачили ее – но не потому, что она их не узнала, скорее, потому, что не ожидала.

Внизу кто-то ходил.

Эшли села на постели, подождала, пока глаза привыкнут к темноте. Джек не произвел на нее впечатления человека, подверженного бессоннице.

Но кто еще мог шагать в этот поздний час из угла в угол, если в доме не было никого, кроме них двоих?

Прислушиваясь к тяжелой поступи, девушка гадала, какие мысли могли заставить такого сильного и уверенного в себе человека потерять покой. Сама она тоже оставила попытки заснуть и лежала с открытыми глазами, пока где-то в недрах особняка не пробудилась древняя система отопления, возвестившая своим клекотом начало нового дня. Серебристые рассветные лучи понемногу пробирались в комнату сквозь неплотно задернутые занавески.

В комнате было холодно. Эшли быстро натянула теплую одежду и спустилась вниз, пытаясь на слух определить, встал ли Джек и как скоро он будет расположен поработать. Но в доме царила мертвая тишина, поэтому девушка сунула ноги в ботинки и вышла через кухонную дверь во двор, где ее ожидало сказочное зрелище. За ночь мороз изменил блеклый пейзаж до неузнаваемости, обсыпав сухую траву и голые коричневые ветки деревьев сверкающими кристаллами инея.

Эшли немного постояла, разглядывая непривычные картины загородной зимы, так и просившиеся на рождественскую открытку. На ее вкус, иней выглядел строже и благороднее, чем снег, не так декоративно. Она подняла руку и провела пальцем по ближайшей ветке, стряхнула на себя ледяную крупу. А потом, охваченная внезапным воодушевлением, медленно пошла по дорожке, вдыхая холодный чистый воздух и думая о том, как тут удивительно тихо по сравнению с городом.

Мимолетное движение, уловленное краем глаза, нарушило ее транс. Эшли обернулась посмотреть на особняк, и сердце сразу на секунду замерло, потому что в одном из готических окон она увидела большой темный силуэт Джека Марчанта. Он стоял так неподвижно, что казался частью дома, но даже с этого расстояния Эшли чувствовала направленный на нее взгляд.

Она заволновалась. Неужели Джек пошел искать ее в стремлении немедленно начать работу над книгой – и теперь удивлялся, с какой стати она бродит по саду и трясет ветки, словно деревенская дурочка?

Она поторопилась назад, надеясь, что Джек займется своим утренним туалетом и даст ей несколько минут, чтобы привести себя в порядок. Но надежда оказалась напрасной. Когда Эшли вошла в кухню, на плите мягко шипел кофейник, в воздухе витал уютный запах поджаренного хлеба. Джек босиком стоял на холодном каменном полу рядом с плитой, грея руки о дымящуюся кружку и рассеянно глядя в окно.

На секунду Эшли застыла, зачарованная и смущенная интимностью сцены – и, не в меньшей степени, зрелищем крепких ягодич своего работодателя, обтянутых линялыми джинсами. С тех пор как она выросла, ей еще не доводилось наблюдать мужчин в домашней обстановке, и она почувствовала себя неловко, словно вторглась в чужую личную жизнь без приглашения. Эшли постаралась подавить возбуждение, разбегавшееся по коже мурашками. Она видела что-то почти непристойное в том, как Джек инстинктивно поджимал пальцы ног на продутых сквозняками каменных плитах. И в том, что даже столь небольшая часть обнаженного мужского тела пустила ее воображение вскачь. Может, дело было в соблазнительном тепле кухни после зимнего холода снаружи, но девушка задрожала, когда Джек обратил на нее взгляд блестящих черных глаз. «Какая глупость, – подумалось ей. – Надеюсь, он не замечает, что я трясусь как осиновый лист, стоит ему на меня посмотреть. Не хочу, чтобы и он счел меня припадочной».

– Доброе утро.

– Эшли, вы всегда вскакиваете до рассвета, чтобы прогуляться?

Ее дрожь ускользнула от внимания Джека, потому что все оно сосредоточилось на нежном румянце, распущенных волосах и влажных губах, которые девушка облизнула, сама того не заметив. Джек попытался представить, каковы губы Эшли на вкус, хотя она выглядела такой невозможно юной, что от желания поцеловать ее пахивало криминалом.

– Нет, что вы! – Девушка сняла заиндевевшее пальтишко. – Тем более последнее место, где я работала, не располагало к прогулкам.

Теперь она могла ясно разглядеть следы усталости на лице Джека, в углубившихся мимических морщинах и темных разводах под глазами.

– Садитесь, – сказал он.

– Спасибо. – Эшли чувствовала странную слабость и была благодарна за возможность упасть в одно из кресел вокруг дубового стола.

– Вы хорошо спали? – последовал внезапный вопрос.

Эшли колебалась. Легче всего было бы ответить вежливой ложью, но какой смысл? Наверное, Джек понимал, что она не могла не слышать его ночных блужданий по коридорам.

– По правде говоря, не очень.

– Вам что-то мешало?

Если она утаит что-то, пусть даже из опасения поднять неприятную для него тему, Джек может решить, что ей нельзя доверять ни в чем. И потом, разве сама Эшли не ценила честность превыше всего на свете?

– Я слышала шаги. В коридоре.

Лицо Джека потемнело, и девушка ощутила укол беспокойства. Возможно, все-таки не стоило об этом упоминать? Но, когда она снова подняла на него глаза, встревожившая ее гримаса уже сменилась выражением любопытства.

– Неужели вы испугались, что по особняку бродит страдающий дух кого-то из моих предков? – Джек подтолкнул в ее сторону кружку с горячим кофе. – Вы верите в призраков, Эшли?

Она покачала головой.

– Или вы подумали, что это был я? – Как заправский крупье, Джек отправил сахарницу в путешествие по столу вслед за кружкой.

– Я знаю, что это были вы.

Он попробовал представить, какие мысли приходили ей в голову ночью. Может, она ожидала, что приступ лунатизма заведет его напрямик в ее спальню?

Он даже успел пожалеть, что этого не случилось, потому что проклятое писательское воображение моментально нарисовало ему череду весьма возбуждающих картин. Джек как наяву видел маленькое хрупкое тело Эшли, изящно задрапированное белоснежной простыней... Вот он откидывает тонкую

ткань, открывая взгляду стройную, еще сохранившую подростковую угловатость фигурку с тугими грудками, увенчанными розовыми сосками. Ее не тронутые помадой губы шевелятся, задавая немой вопрос. Джек ложится рядом, прикивает к девушке, как к животворящему источнику комфорта и тепла, его рука скользит между ее ногами к заветной ложбинке...

Да в своем ли он уме, черт побери?! Джек резко плюхнулся в кресло. Глоток слишком горячего кофе обжег горло, но мужчина был рад любому способу очнуться от эротических грез.

- Надеюсь, я не напугал вас.

Пожав плечами, Эшли поднесла кружку к губам.

- Я стараюсь не поддаваться страху.

Спокойный ответ впечатлил Джека. Глядя на юную девушку с еще влажными от инея волосами, он вдруг задумался, каких внутренних усилий ей стоил приезд в Блэквуд-Мэнор. Должно быть, нелегко отправиться в незнакомое место, не зная, кто и что тебя там ожидает, а потом приспособливаться к образу жизни и требованиям чужих людей.

- Почему вы выбрали для себя такую жизнь?

Захваченная врасплох, Эшли не смогла выдать стандартную версию о якобы снедающей ее любви к разнообразию и стремлении набраться всевозможного профессионального опыта. Ей требовалась подготовка, чтобы достоверно изобразить энтузиазм по отношению к работе, которая оторвала ее от друзей и забросила в мрачные северные болота в середине января.

- Потому что мне нужны деньги, - сказала она.

Брови мужчины удивленно приподнялись. По опыту Джека, большая часть людей предпочитала скрывать или хотя бы приукрашивать этот мотив какими-то более духовными и благородными соображениями.

- Зачем?

Эшли поежилась. Лобовая прямолинейность вопроса и пронзительный взгляд Джека требовали правды. К тому же она сомневалась, что такого человека, как он, можно сбить с толку надуманными оправданиями. Оставалось проверить, легко ли смутить его ответной прямоотой.

– Я выплачиваю долги.

– О господи. – Последовала небольшая пауза. – И много ли вы должны?

– Достаточно. – Девушка с горечью подумала, что неподъемная для нее сумма наверняка покажется Джеку смешной.

– Понятно. – С задумчивым видом он сделал еще глоток кофе. – И что стало причиной – жизнь не по средствам или какая-то нужда?

Теперь уже Эшли взяла паузу, чтобы с максимальной деликатностью и осторожностью подобрать слова. Она не знала, с чего начать объяснять состоятельному от рождения человеку концепцию выживания на небольшую зарплату. С того, как один непредвиденный счет фатальным образом нарушает шаткий баланс доходов и расходов, заставляя влезать в новые долги, чтобы отдать старые? Или с того, как с учетом неизбежных повседневных трат образовавшийся дефицит превращается в бездонную дыру, которую никак не удастся заполнить? Многие молодые люди попадали в подобную ситуацию, но почти все они могли рассчитывать на помощь родителей. Эшли была одной из тех, кто не мог. Ей было не к кому обратиться.

– Нужда, – сказала она. – Однажды пришло слишком много ожидаемых счетов сразу и еще парочка неожиданных.

– Понятно, – повторил Джек.

– Это не были счета за дизайнерские туфли или вечерние туалеты, – быстро добавила девушка. – Я никогда не испытывала желания тратить деньги на экзотические путешествия или что-то в этом роде.

– Я так и подумал, – успокоил ее Джек.

Ему действительно было трудно заподозрить у Эшли изысканный вкус или склонность к излишествам. Она носила простую, практичную одежду, а ее худоба была скорее результатом экономного питания, чем диет. Джек не мог даже представить, каково это – считать каждое пенни, и удивлялся, как юное и хрупкое создание вроде Эшли сумело выжить в подобных условиях. Неожиданно для себя он ощутил прилив сострадания.

– По крайней мере, здесь вам будет легче скопить деньги, – проворчал Джек. – В нашей глуши их просто не на что тратить.

– Да, мне тоже так показалось.

Его отношение удивило ее, заставив предположить, что за внушительным фасадом богатого и влиятельного землевладельца ее ждут еще сюрпризы. Пусть Джек, которому никогда не приходилось беспокоиться о неоплаченных счетах, не понимал бедности, но он и не считал ее пороком. В его тоне Эшли услышала заботу, а не снисходительность или презрение.

– Ну и хватит об этом, – торопливо сказал Джек, заметивший, что личико девушки порозовело.

Он почти забыл, что когда-то получал удовольствие, вызывая румянец на женских щечках. В последний раз это произошло при обстоятельствах, о которых и вспоминать-то не хотелось, поэтому непрошенный всплеск вождления сменился легким раздражением. Вчера его обрадовало, что новая секретарша скромна, сдержанна и не отличается выдающейся красотой, потому что меньше всего ему нужны были от Эшли обычные девческие глупости. Джек не хотел, чтобы у нее вошло в привычку краснеть и дрожать губами, как только он с ней заговорит. По его мнению, природа создала дрожащие женские губы исключительно для того, чтобы внушить мужчине непреодолимое желание поцеловать их...

– Заканчивайте завтрак, – велел он, прежде чем выйти из кухни. – Как поедите, приступим к работе, хорошо?

– Хорошо, – согласилась Эшли, провожая его взглядом.

Она съела тост с мармеладом, загрузила посуду в посудомоечную машину и отправилась в кабинет Джека, по дороге ненадолго заглянув в дамскую комнату, чтобы освежиться. В характере Эшли не было ни грамма тщеславия, но что-то заставило ее остановиться перед большим зеркалом. Словно она вдруг захотела понять, какой ее видел Джек.

Из зеркала на Эшли взглянула ничем не примечательная девушка. Ее внешность вызывала множество нареканий у опекунов – особенно тех, что выбирали ребенка как модный аксессуар. В их представлении маленькая девочка должна была походить на хорошенькую трогательную куколку, а Эшли в кукольные стандарты не вписывалась. Ее кожа казалась слишком бледной, рот – слишком большим. Да, у нее были красивые густые волосы, но на работе она всегда зачесывала их назад и стягивала в пучок, придававший ей строгий вид. Только большими зелеными глазами Эшли могла гордиться без всяких оговорок, а сегодня они сияли ярче, чем обычно. Неужели только из-за того, что она попила кофе с потрепанным жизнью, но все еще весьма привлекательным мужчиной, который – наверняка невольно – смутил ее чувства своей добротой? Эшли подумала, что в этом она вся: наивная простушка, готовая напридумывать бог знает что, стоит мужчине обратить на нее хоть чуточку внимания.

Вытирая руки, она поклялась не давать воли фантазиям. Проявленное Джеком сочувствие не значило, что он не выбросил всю историю из головы через две минуты после разговора. И ему нет дела до того, как выглядит его секретарша, потому что при желании он может выбрать подругу из первых красавиц страны. Так что секретарше лучше поскорее начать отрабатывать деньги, а не рисковать только что полученным местом, убивая служебное время на пустопорожние эмоции и изучение себя в зеркалах.

Эшли метнулась наверх переодеться и закрутить волосы в привычный узел, после чего бегом спустилась в кабинет. Джек, к ее облегчению, еще не подошел. У нее было время освоиться, оглядеть неестественно аккуратную комнату, начисто лишенную красноречивых мелочей, которые люди используют, чтобы придать уют своим рабочим местам. Эшли не увидела ни фотографий, ни сувениров из отпусков и армейских командировок, ни медалей, грамот или спортивных призов. Зато полки с книгами, переплетенными в мягкую, искусственно состаренную кожу, тянулись от стены к стене, от пола до потолка. Джек явно предпочитал историко-биографическую литературу, но сделать по убранству комнаты еще какие-то выводы о его прошлом, настоящем, характере и увлечениях не представлялось возможным.

Единственной вещью, которая выбивалась из общего ряда, было изысканное ореховое бюро, инкрустированное перламутром. Эшли подошла ближе, удивляясь, почему такую красоту засунули в самый темный угол. Пальцы девушки пробежались по гладкой столешнице и, словно по собственной воле, сомкнулись на ручке единственного ящичка, который выдвинулся легко и бесшумно. Внутри лежал шелковый лазоревый женский шарф, прошитый золотой нитью, как ясное летнее небо – солнечными лучами...

Эшли удивленно заморгала, гадая, кому могла принадлежать эта неожиданная вещь. Но звук приближающихся шагов заставил девушку поспешно закрыть ящик и отступить от бюро. Джек вошел в комнату, держа в руках увесистую кипу бумаг.

– Что вы делаете? – Глаза мужчины подозрительно сузились.

Эшли была правдивым человеком, однако она также обладала развитой интуицией. Инстинкт подсказал, что ее недавние действия можно расценить как сование носа в чужие дела, и Джек вряд ли поверит, что она сделала это непреднамеренно. Эшли слишком дорожила работой, чтобы навлечь на себя его гнев в первый же день.

– Ничего особенного, – сказала она. – Оглядываюсь, собираюсь с мыслями. Я готова начать работу, когда вы скажете.

Он все еще буравил ее взглядом, в глубине черных глаз словно бы вспыхивали и гасли угольки. От теплоты и понимания, которые он проявил во время утреннего разговора на кухне, не осталось и следа. Лицо Джека снова стало надменным и отстраненным.

– Кстати, в агентстве с вас взяли подписку о неразглашении? – спросил он, когда Эшли уже начала впадать в панику.

Она заставила себя поднять на него глаза и даже выдавила улыбку. Со стороны Джека было вполне разумно требовать письменных гарантий конфиденциальности – в том числе и для того, чтобы напомнить Эшли о ее статусе подчиненной.

– Да, взяли, – отозвалась она почти шепотом, удивляясь тому, как сильно обидел ее этот вопрос.

Глава 4

Джек больше не упоминал подписку о неразглашении, а Эшли так и не решилась признаться, что нашла спрятанный в ящике бюро шарф. Это было не ее ума дело, а показаться Джеку слишком любопытной и назойливой не хотелось. К тому же он всем своим видом и поведением давал понять, что не любит лишних вопросов – за исключением случаев, когда задает их сам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/sheron-kendrik/zapretnaya-zhenschina>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)